

14. Ma T.Ju. Amerikanskaja jazykovaja lichnost' v kul'turno-istoricheskom prostranstve SShA XX veka (opyt prototipicheskogo podhoda): dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2012.

15. Neroznak V.P. Lingvisticheskaja personologija: k opredeleniju statusa discipliny // Jazyk. Pojetika. Perevod: sb. nauch. tr. M.: Mosk. gos. lingv. un-t, 1996. S. 112–116.

16. Russkij jazyk. Jenciklopedija / pod red. Ju.N. Karaulova. 2-e izd. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1997.

17. Sedyh A.P. Jazykovaja lichnost' i jetnos (nacional'no-kul'turnye osobennosti kommunikativnogo povedenija russkih i francuzov). M.: Kompanija Sputnik+, 2004.

18. Simonov A.V. Britanskaja imperskaja identichnost' v konce XIX – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2016.

19. Sirotinina O.B. Horoshaja rech': sdvigi v predstavlenii ob jetalone // Aktivnye jazykovye processy konca NN veka. M., 2000.

20. Snitko T.N. Predel'nye ponjatija v zapadnoj i vostochnoj lingvokul'turah. Pjatigorsk, 1999.

21. Thorik V.I. Jazykovaja lichnost' (lingvokul'turologicheskij aspekt): dis. ... d-ra filol. nauk. Krasnodar, 2000.

22. Shahovskij V.I. Nacio- i sociokul'turnye aspekty jazykovoj lichnosti // Obshhestvo, jazyk i lichnost': materialy Vseros. nauch. konf. Penza – M., 1996. Vyp. 1. S. 29–30.

Е.И. АЛЕЩЕНКО, Ю.Г. ФАТЕЕВА
(Волгоград)

**ФРАЗЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ
СОЗДАНИЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО
ВЫСКАЗЫВАНИЯ**
(на материале художественной
прозы о врачах)

Описываются способы использования потенциала фразеологических единиц при создании юмористического высказывания посредством языковой игры. Материалом исследования является художественная проза врачей. В результате анализа выявляются такие приемы использования фразеологизмов, как буквализация, изменение синтаксической функции, замена компонента, расширение значения и др.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, языковая игра, юмористическое высказывание, комическое, художественная проза, язык медицины.

Человеческая жизнь полна абсурдного и смешного, что, несомненно, нашло отражение в языке, поэтому механизмы создания комического, различные аспекты юмора часто становятся объектами пристального интереса многих отраслей науки. Примечательно, что в современной науке не существует определения юмора, комического, которое в полной мере отражало бы специфику этого языкового явления. Так, полагают, что юмор – это результат необходимости «примирения с действительностью» [3, с. 162], а смех – это «социологический анализ» [4, с. 5]. Близко этому мнению и понимание юмора как результата мирозерцания, способного различить множество «полутонов в оценке бытия» [8, с. 50]. Несмотря на кажущуюся разницу в трактовке понятия «юмор», исследователи единодушны в том, что с этической точки зрения юмор – это явление скорее бытовое, связанное с отношением к тому или иному реальному явлению, при этом отношение к изображаемой в юмористическом произведении действительности положительное.

Юмор чаще всего воплощается в шутке. Напомним, что данное понятие имеет несколько толкований. Так, словарь Т.Ф. Ефремовой дает следующие определения: «1. То, что говорят или делают с целью вызвать смех веселье; забавная выходка, шалость 2. То, что говорят

Iconic language personality

The article aims to formulate (by the example of the work by R. Kipling) the distinctive characteristics of an “iconic language personality” as the ideal bearer of the cultural and speech competence, “classic”, “master of speech”, “arbitrator and normalizer of language”, whose work contributes to its progressive development at a certain historical stage in a particular country and the global linguistic culture in general.

Key words: linguistic personality, elite, national system of values, political identity, verbal behavioural portrait.

(Статья поступила в редакцию 12.04.2017)

или делают не всерьез, к чему нельзя относиться серьезно. 3. Небольшая комическая пьеса. // Комический рассказ, музыкальное произведение и т.п.» [5, с. 198]. В словаре Д.Н. Ушакова читаем: шутка – «1. То, что говорят или делают ради развлечения, ради возбуждения смеха, веселья, забава, шалость. <...> 2. Небольшая комическая пьеса (лит., театр.). Шутка в одном действии» [12, стб. 1378–1379]. Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой утверждает, что шутка – «1. небольшая комическая пьеса. 2. То, что говорится или делается не всерьез, ради развлечения, веселья» [9, с. 411].

Следовательно, шутки можно разделить на два типа: некое действие или высказывание, созданное ради развлечения и не всегда опирающееся на какое-либо реальное событие, и шутка как законченное произведение. При этом цель шутки первого типа – развлечение в чистом виде, шутки второго, соответственно, имеют более широкий социальный потенциал, т.к. возникают как реакция автора юмористического высказывания на действительность.

В таком случае литературная шутка – «это цельный текст ограниченного объема (или автономный элемент текста) с комическим содержанием» [10, с. 21]. Отметим, что литературная шутка часто становится шуткой языковой, которая является синонимом языковой игры.

Феномен языковой игры в последние годы испытывает неослабевающий интерес к себе со стороны лингвистов, что приводит к многообразию определений данного языкового явления. Широкое понимание феномена языковой игры характерно для М.Е. Ляпидовской, которая полагает, что языковая игра представляет собой «творческое (нестандартное) использование языковых средств, отступление от нормы, четко осознаваемое говорящим (пишущим) и намеренно допускаемое» [6, с. 207]. Подчеркнем, что автор исключает спонтанность создания языковой шутки, акцентируя внимание на том, что это сложный мыслительный и волевой процесс, опирающийся на знание языковой нормы. В таком случае в процесс игры могут вовлекаться различные языковые средства.

Потенциал фразеологии как источника материала для языковой игры поистине огромен, что не раз отмечалось учеными. Например, В.З. Санников выделяет следующие приемы создания языковой шутки с использованием фразеологических единиц (ФЕ):

- 1) превращение устойчивого словосочетания в свободное;
- 2) замена компонентов ФЕ другими словами;

3) изменение синтаксической функции ФЕ;

4) усечение ФЕ;

5) разложение «чужой» ФЕ [10, с. 298–300].

Отметим, что подобная классификация не представляется исчерпывающей, т.к., например, «превращение устойчивого словосочетания в свободное» может осуществляться с помощью «замены компонентов» или разложением «чужого» фразеологизма; «изменение синтаксической функции ФЕ» может происходить через «усечение фразеологизма» и т.д. Однако В.З. Санников, безусловно, был одним из первых, кто отметил значительную роль фразеологии и большие возможности ее использования в создании языковой шутки (языковой игры).

Первым способом вовлечения ФЕ в контекст языковой игры, согласно В.З. Санникову, является превращение фразеологизма, чья структура по определению данного языкового явления неделима, в свободное словосочетание, употребление «в значении его исходного словосочетания (буквализация)» [1, с. 109], при этом необходимость читателя мыслить не от предмета к образу, а наоборот требует «паузы для осмысливания», т.к. подобное использование ФЕ не является нормой. Пример языковой игры с помощью буквализации фразеологизма встречаем, например, у Г. Артемьевой: «...муж буквально носил ее (героиню. – Ю.Ф.) на руках. Пока не пришла пора носить на руках их первенца» [2, с. 24]. Итак, перед нами не тавтология, не речевая ошибка, а именно языковая игра, где в первом случае используется фразеологизм *носить на руках* в значении ‘заботиться, оберегать’, во втором случае, когда речь идет уже о младенце, такое же словосочетание употребляется в прямом значении. Отметим, что буквализация приводит к изменению синтаксической функции ФЕ, разложению на компоненты.

Другим способом превращения устойчивого словосочетания в свободное может стать стилистическая смена контекста. В этом случае исходная ФЕ не подвергается какому-либо изменению, ее состав остается прежним, но контекст, в котором употреблена идиома, не соответствует стилистике фразеологизма. Это приводит к возникновению ситуации, в которой части идиомы утрачивают тесную связь, а значение словосочетания определяется значением каждого компонента, как, например, у А. Букова: пациентка «...допилась до того, что попала сама к нам с травмой черепа, за кото-

рой последовала смерть мозга. Уехала на разборку вслед за любимым. <...> Мы все были потрясены глубиной чувств» [14, с. 75–76].

Обращает на себя внимание циничная по своему отношению к человеку профессиональная ФЕ, пришедшая в медицину из технического языка: *уехать на разборку* в медицинском сленге означает ‘отправиться в трансплантологию, для дальнейшего распределения органов и тканей для пересадки их пациентам’. Вместе с тем, полагаем, данная идиома может иметь более глубокое значение: согласно христианской традиции после смерти человек направляется на «суд Божий», где будет проведена оценка его жизни, поступкам, словам; результатом такого «разбирательства» будет решение дальнейшей судьбы души: отправится ли она в рай или будет низвергнута в ад. В этом плане понятие Божьего суда синонимично просторечному *разборка* – «ссора, скандал, разбирательство», т.к. в результате бытовой «разборки» также нередко определяется дальнейшая судьба человека (отметим, что герою А. Булова часто приходится сталкиваться с ситуациями, когда квалифицированная медицинская помощь нужна пациенту после различных ссор и скандалов, «разборок»). Таким образом, появление дополнительного значения у существительного *разборка*, полагаем, усиливает трагикомический эффект высказывания А. Булова.

Примечательно также, что в данном тексте фразеологизм *глубина чувств* в сочетании с кратким причастием *потрясены* относится к художественному стилю, используется при описании проявления сильных чувств, что сопоставимо с нарушением лексико-семантической дистрибуции ФЕ. В этом случае «появление» данного выражения при описании смерти семьи алкоголиков приобретает ироническое значение, т.к. смерть обоих супругов от травмы черепа после нескольких дней запоя – это скорее закономерность, следствие заболевания, а не «глубина чувств» друг к другу. Использование данного приема вовлечения фразеологизма в языковую игру «рисует» перед читателем яркую картину медицинской действительности, характеризует отношение профессионалов к различным сторонам своей деятельности.

Другой способ вовлечения фразеологизма в языковую игру, по С.З. Санникову, – замена одного из компонентов фразеологизма другими словами, что порой приводит не столько к созданию нового оттенка значения, сколько к появлению нового высказывания, значе-

ние которого связано с контекстом. Этот процесс, полагаем, вызван необходимостью «прояснения», уточнения семантической сущности исходной идиомы, в результате появляется новый вариант существующей в языке ФЕ.

Например, А. Буров подвергает такой трансформации идиому *умереть от счастья*: «Тяжело представить эмоциональный фон человека, проснувшегося после пьянки без ноги. Лично я бы умер от удивления» [12, с. 115]. Отметим, что в русском языке глагол *умереть* предполагает несколько устойчивых сочетаний: *умереть / умирать с голоду, со смеху* и одна ФЕ *не умереть от скромности* [13, с. 704]. Исходную идиому автор меняет в соответствии с ситуацией: преамбулой к высказыванию является история о том, что один из пациентов в результате пьяной аварии лишился ноги. Безусловно, такое событие не может вызывать чувство счастья или веселья, потому трудно употребить известную в языке ФЕ в неизменном виде даже в ироническом значении. В результате А. Буров заменяет фразеологический компонент «причины смерти» на «удивление». Подобная модификация идиомы делает высказывание ироничным, при этом «степень» иронии возрастает по сравнению с ситуацией, в которой бы автор употребил канонический фразеологизм, т.к. потеря ноги не должна вызывать удивление. Таким образом, А. Буров, подвергнув обыгрыванию ФЕ и заменив один из ее компонентов, создает новое фразеологическое единство саркастического звучания.

В своих произведениях М. Малявин также часто использует прием замены компонента фразеологизма, трансформируя исходную языковую единицу с помощью развернутой парфразы, как, например, в тексте: «Я – существо сугубо парное, причем на правах довеска, и к одиночному плаванию способен только по вертикали и на глубину водоема» [7, с. 285].

В основе описания несамостоятельности больного лежит идиома «одиночное плавание», обозначающая невозможность пациента вести одиночное, самостоятельное существование. С помощью этого подразумеваемого невербализованной ФЕ М. Малявин развивает водную метафору и через морфологическую цепочку однокоренных слов *плавание* – *плавать* приводит читателя к фразеологизму *плавать как топор*. Однако и данная лексическая единица в высказывании не дается в исходном варианте, ее значение подвергается уточнению и одновременно расширению: «плавание... по вертикали и на глубину водо-

ема». Через конкретизацию передвижения плавающего объекта автор и «намекает» на наличие в контексте фразеологизма о «плавании» топора. Используя ФЕ *плавать как топор* как основу для языковой игры, автор с помощью детализации значения идиомы создает юмористическое высказывание.

При использовании фразеологизмов в языковой игре комический эффект нередко достигается синтаксическими средствами. Например, создание авторского фразеологизма, грамматически точно повторяющего состав оригинала, характерно для авторского стиля М. Малявина: так, способ избавить больного от недуга – «по возможности убрать <...> постоянные психотравмирующие факторы. Или признать их суетой сует и фигней фигнь» [7, с. 307]. Заимствованное из девятнадцатой книги («Экклесиаст») Пятикнижия латинское по своему происхождению выражение *Vanitas vanitatum et omnia vanitas* в переводе на русский звучит как «суета сует и всяческая суета». Примечательно, что, несмотря на общеупотребительность и популярность первой половины высказывания, в соответствующих словарях *суета сует* как идиома не отмечается. Так, в «Словаре» А.И. Федорова слово *суета* встречается только в составе ФЕ *мышинная суета* в значении ‘Разг. Пренебр. Мелочные, пустые хлопоты, мелкие заботы’ [13, с. 668]. Однако носителями языка выражение, приписываемое Соломону, воспринимается как идиома. Создание же параллельной синтаксической конструкции, основывающейся на просторечном слове *фигня*, усиливает комический эффект, первоначально созданный нарушением стилистической сочетаемости ФЕ и контекста.

Подобный прием «дописывания» исходной ФЕ как способа создания авторской идиомы находим в другом фрагменте произведения М. Малявина: «Пациент, в принципе, знает (где-то слышал, читал, подсмотрел у других), что на улыбку неплохо бы ответить улыбкой, на добро ответить добром, на пощечину – подставить бедро, опрокинуть ударом в грудь и добить локтем, а на смерть близкого существа – хотя бы пролить слезинку» [7, с. 223]. В основе ряда синонимичных конструкций «чем ответить на что» семантически лежит библейская идиома *глаз за глаз* или близкая ей *кесарю кесарево*, однако М. Малявин предполагает возможность использования данных идиом в качестве исходных, одновременно создавая новые по содержанию ФЕ. При этом два первых авторских фразеологизма (*на улыбку... ответить улыбкой, на добро ответить добром*) создаются по одному грамматическому

шаблону и «укладываются» в концепцию «на подобное отвечают подобным», заключительный (*на смерть близкого существа ... пролить слезинку*) по степени семантической обусловленности компонентов близок, но не равноценен им по значению.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет третий «фразеологизм»: *на пощечину – подставить бедро, опрокинуть ударом в грудь и добить локтем*. Отметим, что представленный фрагмент по значению близок остальным: на агрессию отвечают агрессией. Однако вторая часть высказывания развернута и содержит самостоятельный ряд однородных членов, при этом глагол *ответить* заменен рядом предикатов со значением конкретного силового действия (*подставить, опрокинуть, добить*). Стоит подчеркнуть, что все указанные глаголы употреблены в устойчивых сочетаниях, которые можно классифицировать как профессионализмы, т.к. они употребляются для описания действий-движений различных видов борьбы. Расположение же глаголов именно в таком порядке, по степени возрастания агрессивного воздействия на противника, также, полагаем, способствует созданию картины неадекватности больного, который «на пощечину» способен *опрокинуть... и добить локтем*.

Интересно, что объектом большей части юмористических высказываний являются люди и их поступки, однако писатели-врачи способны шутить и при описании ситуаций, которые не являются смешными изначально. Например, в медицине известен феномен, когда причиной образования кисты является рост какого-либо органа или части тела в неподобающем месте. А. Смирнов описывает подобные ситуации с помощью ФЕ, что делает довольно неприятную медицинскую ситуацию забавной: «Так вот: внутри кисты часто находятся всякие вещи, странные тем, что они <...> расположились не по адресу. Располовинят ее, а там – клочок волос, или косточка, или зубы. <...> Все это происходит потому, что в кисте сохранилась эмбриональная ткань, из которой этим зубам да волосам расти бы и расти, жить и жить. Светлые горизонты состоявшегося бытия, наполеоновские планы. Но извольте: облом. Не привелось. Довольствуйтесь малой родиной в малом тазу» [11, с. 160].

Итак, ситуация, когда внутри кисты находится неожиданный предмет, автором описывается с помощью фразеологизма *обратиться не по адресу*; при этом А. Смирнов заменяет глагол *обратиться* исходной ФЕ на глагол со значением месторасположения *расположить*

ся, что соответствует ситуации. Процесс нормального развития и жизнедеятельности в русском языке, как и в данном тексте, обозначается с помощью идиом *расти и расти, жить и жить*. Примечательно, что данные фразеологизмы обычно употребляются в ситуации, когда высказывают сожаление по поводу невозможности осуществить указанные действия: болезнь, смерть человека. Аналогичный контекст возникает и у А. Смирнова: эмбриональные клетки зубов или волос не могут развиваться нормально, т.к. они оказываются в «неправильном» месте.

Отметим, что нормальный процесс жизнедеятельности, обозначенный указанными выше идиомами, автор дополняет книжными ФЕ *светлые горизонты* ('безоблачное будущее') и *наполеоновские планы* ('большие планы'). Однако исходные фразеологизмы принято использовать при описании жизни человека, но не органа, при этом вторая идиома (*наполеоновские планы*) имеет выраженное ироническое значение, которое усиливается при обращении к потенциалу используемых ФЕ применительно к внутренним органам. Полагаем, что данный прием возможно классифицировать как олицетворение, т.к. неодушевленным предметам «приписываются» и способность мыслить, и способность мечтать.

Итак, ФЕ, бесспорно, обладают поистине неограниченным потенциалом для создания юмористического высказывания. При этом механизмы использования идиом могут быть различными: буквализация, изменение синтаксической функции, замена компонента, расширение значения и т.д. Однако цель подобных трансформаций состоит не только в развлечении читателя, не только в желании «поупражняться» в интеллектуальной игре создания языковой шутки, но и в попытке через юмор, смех дистанцироваться от жестокой медицинской действительности.

Список литературы

1. Алещенко Е.И. Русская поэтическая фразеология (на материале произведений В. М. Гаршина и Н. С. Лескова): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998.
2. Артемьева Г. Как бы беременная, как бы женщина. М.: АСТ, Астрель, 2013.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. СПб.: Наука, 1999.
4. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех: социологический анализ. М.: Альфа-М., 2005.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

6. Ляпидовская М.Е. Языковая игра в антропонимике Н.С. Лескова // Слово. Словарь. Словесность: социокультурные координаты (к 100-летию со дня рождения Н. П. Гринковой). СПб.: Изд-во «САГА», 2006. С. 207–211.

7. Малявин М. Психиатрию – народу! Доктору – коньяк! М.: Аст, 2012.

8. Мусийчук В.М. Когнитивные механизмы юмора в структуре комического // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2010. Т. 8. Вып. 2. С. 48–52.

9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во: ИТИ Технологии, 2008.

10. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 2-е изд., испр. и доп.

11. Смирнов А.К. Записки из клизменной. М.: Аст, 2013.

12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2006.

13. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ, 2008. 3-е изд., испр.

14. Фунус Фестус (Буров А.) Тук-тук, это хирург! Записки из реальной курилки. М.: Аст, 2013.

* * *

1. Aleshchenko E.I. Russkaja pojeticheskaja frazeologija (na materiale proizvedenij V. M. Garshina i N. S. Leskova): dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 1998.

2. Artem'eva G. Kak by beremennaja, kak by zhenshhina. M.: AST, Astrel', 2013.

3. Gegel'. Lekcii po jestetike. SPb.: Nauka, 1999.

4. Dmitriev A.V., Sychev A.A. Smeh: sociofilosofskij analiz. M.: Al'fa-M., 2005.

5. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj: v 3 t. M.: AST, Astrel', Harvest, 2006.

6. Ljapidovskaja M.E. Jazykovaja igra v antroponimike N.S. Leskova // Slovo. Slovar'. Slovesnost': sociokul'turnye koordinaty (k 100-letiju so dnja rozhdenija N. P. Grinkovoj). SPb.: Izd-vo «SAGA», 2006. S. 207–211.

7. Maljavin M. Psihiatriju – narodu! Doktoru – kon'jak! M.: Ast, 2012.

8. Musijchuk V.M. Kognitivnye mehanizmy jumora v strukture komicheskogo // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Filosofija. 2010. T. 8. Vyp. 2. S. 48–52.

9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovij slovar' russkogo jazyka. M.: Izd-vo: ITI Tehnologii, 2008.

10. Sannikov V.Z. Russkij jazyk v zerkale jazykovoj igry. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 2-e izd., ispr. i dop.

11. Smirnov A.K. Zapiski iz klizmennoj. M.: Ast, 2013.

12. Tolkovyyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. D.N. Ushakova. M., 2006.

13. Fedorov A.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka. M.: AST, 2008. 3-e izd., ispr.

14. Funus Festus (Burov A.) Tuk-tuk, jeto hirurg! Zapiski iz real'noj kurilki. M.: Ast, 2013.

Phraseology in the context of humorous statements (based on fiction about doctors)

The article deals with the potential of phraseological units in the creation of humorous statements by means of language pun. The research is based on the fiction about doctors. The analysis identifies such ways to use phraseological units as literalness, change in syntactic function, substitution of the component, meaning broadening, etc.

Key words: *phraseology, phraseological unit, language pun, humorous statement, comic, language of medicine.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2017)

Л.А. БУШУЕВА
(Нижний Новгород)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОСТУПКА «ПОДЛОСТЬ» (на материале русского языка)

Представлены результаты исследования компонентной структуры концепта «подлый поступок» в русской лексикографии и дискурсе. Определена группа лексем, репрезентирующих концепт в русском языке. Выявлены понятийные, образные и ценностные компоненты концепта «подлый поступок». Проанализирована степень актуализации основных компонентов концепта в языке и речи.

Ключевые слова: *концепт, концептуализация, концепт «подлый поступок», дискурс, ценностный компонент, оценка.*

В настоящее время в языкознании большое внимание уделяется вопросам когнитивной лингвистики, связанным с отражением в языке наиболее значимых концептов национальной концептосферы. Одним из основных понятий когнитивного подхода является кон-

цептуализация, понимаемая как классификационная деятельность, направленная на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания [5, с. 35]. Одной из структур представления знаний является концепт.

Термин *концепт* получает разнообразные трактовки в современной лингвистике. В данной работе за основу принята точка зрения В.И. Карасика, понимающего под концептом «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [3, с. 91]. Концепты могут рассматриваться с разных позиций: например, на первый план выводится ценностная составляющая концептов (с позиции аксиологической лингвистики) или важными оказываются многослойность концептов и соотношение их понятийного и образного содержания (с позиции когнитивной лингвистики) [4, с. 150].

Регулятивные концепты, т.е. те концепты, содержание которых составляют нормы поведения [4], значимы для понимания лингвокультурной специфики языкового освоения мира. В этом плане интерес представляет концепт «подлый поступок», который можно отнести к концептам, фиксирующим в своем содержании нормы и предписания применительно к определенным ситуациям [Там же, с. 116].

В русском языке для актуализации ситуации поступка «подлость» используются следующие вербальные единицы: *подлый, подлейший, подленький, подловатый, подловатенький, подленько, подловато, подловатость, подлющий, подло, подлость, подлеца, подлец, подлецкий, подлюга, подлянка, подлячка, подличать, подличание, наподличать, сподличать, подлеть, низость, низкий, низко, гнусность, гнусный, гнусно* [10, с. 775]. *Подлость* является единицей-репрезентантом концепта «подлый поступок».

Содержательный минимум концепта «подлый поступок» определяется по данным толковых словарей следующим образом: *подлость* – 1) гнусность, низость, бесчестность [11, с. 712]; 2) низость, крайнее бесстыдство, такой поступок. *Совершить подлость. Подлость предателя. Подлость негодяя* [8, с. 268]; 3) низкий, бесчестный поступок. *Не сдержат слово товарищу – подлость. Все подлости были подстроены* [2, с. 870]; 4) бесчестность поступков и действий в отношении слабых и беззащитных как врожденная безнравственность,